

После долгой тряски в пути Лян Чэн наконец не выдержал этого взгляда. Он достал бумажную салфетку, развернул ее, накрыл ею лицо Цяо Юаньлиня и произнес:

— Понял я.

Всю следующую неделю Цяо Юаньлинь в полной мере ощущал себя вором, у которого горит шапка, ежеминутно опасаясь разоблачения. На дополнительных лабораторных занятиях он то и дело витал в облаках с крайне озабоченным видом, из-за чего Лян Чэн решил, что тот просто слишком сильно переживает из-за выпускных экзаменов.

Кое-как пережив эту тревожную неделю, в пятницу вечером Цяо Юаньлинь, укутавшись в одеяло, заказывал праздничный торт — обязательно десятидюймовый, со взрывающейся цветком свечой и жидкой начинкой.

Он разглядывал потолок, чувствуя, как перед самым событием к нему парадоксальным образом приходит покой. Наверное, из-за того, что прежние ожидания всегда оборачивались разочарованием, сейчас ему было достаточно одного лишь «с днем рождения» от Лян Чэна.

На следующее утро Цяо Юаньлинь поднялся пораньше и под предлогом «сходи на лекцию о здоровье — получи отборный рис в подарок» выпроводил Ван Жуйчжи из дома.

Когда Лян Чэн спустился, во всем доме они остались вдвоем, а на обеденном столе сиротливо стояла миска со вчерашней пшенной кашей.

Они просидели молча целых полчаса, переводя взгляд друг на друга. Жизнь Цяо Юаньлиня и без того нельзя было назвать яркой, к тому же он боялся, что Лян Чэну его затеи придется не по душе, а потому ума не мог приложить, чем заняться.

Атмосфера была невыносимо скучной, поэтому он предложил:

— Может, я лучше уроки повторю?

Лян Чэн немного подумал, поднялся, снял с крючка в прихожей ключи от мотоцикла и бросил:

— Пошли.

Сегодня стояла жара, и встречный ветер от мотоцикла обдавал теплом. Цяо Юаньлиню было любопытно, куда его везет Лян Чэн. Спустя полчаса они проехали мимо главных ворот Седьмой школы.

Вывеска «Седьмая средняя школа» ярко блестела на солнце. Цяо Юаньлинь невольно выпрямился:

— Брат, куда мы едем?

Лян Чэн свернул, огибая внешнюю стену школы, припарковался в тени деревьев, заглушил мотор и сказал:

— Приехали.

Это был юго-западный угол школы, здесь редко кто-то ходил. За забором раскинулись кусты, которые буйно разрастались каждое лето. Несколько лет назад в ограде не хватало пары прутьев, и ученики тайком пролезали через эту дыру, чтобы прогуливать уроки, но теперь все уже починили.

Лян Чэн окинул забор быстрым взглядом, ухватился за прутья, в два счета взобрался наверх и легко перемахнул на территорию школы.

Цяо Юаньлинь от изумления вытаращил глаза:

— Ты как туда пролез?!

Лян Чэн поманил его рукой:

— Давай сюда, невысоко.

Цяо Юаньлинь немного поколебался, но все же ухватился за ограду и полез вверх. Он никогда в жизни не совершал ничего столь предосудительного, поэтому жутко нервничал. Взобравшись на самый верх, он оседлал забор и замер.

— Прыгай, — скомандовал Лян Чэн.

— Уважаемый, у меня больное сердце, — взмолился Цяо Юаньлинь. — Я правда не смогу.

Лян Чэн подошел на шаг ближе, дотянулся рукой до новых кроссовок Цяо Юаньлиня и вдруг спросил:

— А почему тебя зовут Цяо Юаньлинь?

— А? — удивился Цяо Юаньлинь. — У моего папы фамилия Цяо, у мамы — Линь, а познакомились они на свидании вслепую в парке Аньюань за Народной площадью.

Пользуясь тем, что тот отвлекся, Лян Чэн схватил Цяо Юаньлиня за лодыжку и с силой потянул вниз.

Цяо Юаньлинь вскрикнул, потерял равновесие и полетел вниз. Лян Чэн среагировал мгновенно: подхватил его, обхватив за талию, и аккуратно опустил на землю.

Как только он встал на ноги, Лян Чэн отпустил его и сказал:

— А я думал, это означает «редкостный цветок из райских кущ и дикая свинка в уединенном лесу».

На первый взгляд прозвучало красиво, и Цяо Юаньлинь сообразил лишь спустя пару секунд:

— Слушай, ты можешь не оскорблять именинника?!

Лян Чэн тихонько шикнул на него и стал пробираться сквозь кусты вглубь школьного двора. Вокруг царило безмолвие, у учебных корпусов не было ни души.

Цяо Юаньлинь послушно шел следом. Через несколько минут они вышли к баскетбольной площадке.

Красное резиновое покрытие площадки слегка выцвело, на земле валялось пара-тройка баскетбольных мячей — так обычно «забивали» место. Лян Чэн неспешно дошел до центра площадки, повернулся и спросил:

— Здесь?

Цяо Юаньлинь изо всех сил закивал. Он никак не ожидал, что Лян Чэн приведет его именно сюда.

Деревянные скамейки у края площадки явно никто не менял, они совсем потрескались от солнца за долгие годы. Цяо Юаньлинь присел на одну из них, наблюдая, как Лян Чэн поднял мяч, пару раз ударил им о землю и в прыжке отправил в корзину.

Мяч точно залетел в кольцо. Цяо Юаньлинь громко крикнул:

— Круто!

— Попробуй сам, — предложил Лян Чэн.

— Я не умею, — смутился Цяо Юаньлинь. — Мне и так нравится смотреть, как ты играешь.

Лян Чэн подошел к нему, ведя мяч одной рукой. Крутанув его пару раз на указательном пальце, он бросил его в руки Цяо Юаньлиню и сказал:

— Не мне же снилось, как я забрасываю мячи.

В груди у Цяо Юаньлиня екнуло от искушения. Вокруг все равно никого не было, так что позора можно было не бояться. Обняв мяч, он подошел к баскетбольному щиту и решил попробовать.

Бум! Мяч ударился о стойку и отскочил мимо.

Цяо Юаньлинь подобрал его, бросил второй раз — опять мимо. Он пытался раз семь или восемь, но так ни разу и не попал. На душе стало тоскливо, и больше всего нахлынуло бессилие.

Он вернул мяч Лян Чэну и вздохнул:

— Ладно, забудь. Это не так весело, как я думал.

Солнце нещадно палило. Лян Чэн облизнул сухие губы, повернулся к Цяо Юаньлиню спиной, присел и скомандовал:

— Залезай.

Цяо Юаньлинь опешил:

— Брат...

Лян Чэн повторил:

— Садись на плечи. Умеешь?

Цяо Юаньлинь впервые садился кому-то на плечи. Он осторожно раздвинул ноги и взгромоздился сверху. Плечи у Лян Чэна были широкими и надежными; крепко обхватив бедра парня своими большим ладонями, он медленно поднялся в полный рост.

Было очень высоко. Привыкнув, Цяо Юаньлинь отпустил руки. Лян Чэн подцепил носком кроссовка покотившийся мяч, подбросил его вверх и передал ему.

Тот прицелился и бросил — опять мимо. Лян Чэн подошел, снова подкинул ему мяч для второй попытки, уже поближе к кольцу. Бум — снова чуть-чуть не хватило.

Только с четвертого раза Цяо Юаньлинь, собрав все силы, совершил точный бросок, и мяч аккуратно провалился в сетку. Он восторженно закричал:

— Попал! Я попал!

Лян Чэн с невозмутимым видом предупредил:

— Держись крепче.

Придерживая Цяо Юаньлиня за худые бедра, он легкой трусцой, словно ведя мяч, побежал к щиту. Добравшись до идеальной позиции, он велел:

— Забрось трехочковый.

Цяо Юаньлинь снова забросил мяч прямо в корзину:

— MVP! Я лучший игрок матча!

Он сбился со счета, сколько раз они так забросили мяч. Цяо Юаньлинь от восторга был на седьмом небе от счастья. Когда после последнего броска мяч запрыгал по земле у их ног, он взмолился:

— Брат, я хочу победный жест!

Лян Чэн тихонько вздохнул и, удерживая его на плечах, сделал полный оборот на месте.

Голова у Цяо Юаньлиня слегка закружилась, когда он опустился на землю. Пошатываясь, он обошел Лян Чэна и встал перед ним. Когда перед глазами перестало все плыть, он увидел, что с Лян Чэна ручьями катит пот, а ресницы совсем промокли.

Солнце, висевшее высоко в небе, слепило глаза оранжевыми лучами. Цяо Юаньлинь завороченно смотрел на Лян Чэна, вцепившись испачканными пальцами в его предплечье.

Это не сон, все по-настоящему.

Но в то же время это казалось иллюзией. Вот он ищет Лян Чэна в углу площадки, а тот узнает его и зовет сыграть вместе. Все выходило так просто и естественно, хотя в реальности им понадобилось целых три года блужданий, чтобы оказаться здесь.

Тук, тук... Баскетбольный мяч замер. Но что тогда так бешено колотилось?

Цяо Юаньлинь посмотрел на свою грудь. Капля пота затекла в глаз, и он вытер лицо рукой, окончательно размазав грязь по щекам.

Лян Чэн усмехнулся:

— Ну как, наигрался, MVP?

Над школьным двором разнесся звонок с урока. Они умылись холодной водой и вышли через главные ворота, затерявшись в толпе школьников.

После полудня они забрали торт. Домой его нести Цяо Юаньлинь побоялся, решив отпраздновать где-нибудь в ресторанчике, и тогда Лян Чэн просто отвез его на улицу Цзисян.

Уличные палатки только начали открываться, но еще издали было слышно, как Ин Сяоцун шумно раздает указания. Мотоцикл еще даже не успел остановиться, как Цяо Юаньлинь крикнул:

— Управляющая, я хочу забронировать столик!

Ин Сяоцун оставила для них отличное место у озера. С наступлением темноты вокруг зажглись разноцветные гирлянды. Она встала между спинками стульев Лян Чэна и Цяо Юаньлиня и спросила:

— Имениннику скидка двадцать процентов, друзьям — тридцать. Кто из вас платит?

Цяо Юаньлинь поинтересовался:

— А если именинник угостит вас тортом, какая будет скидка?

— Ушлый какой, — Ин Сяоцун ласково шлепнула его по затылку. — Заказывайте быстрее, а то лучшие морепродукты мигом расхватают.

Цяо Юаньлинь заказал целый стол еды. Народу прибывало все больше, и весь ночной рынок гудел так, что конца-краю не было видно. Когда все блюда принесли и торт наконец распаковали, Ин Сяоцун и Лао Сы присоединились к ним.

— Какая у нас программа? — по-простецки спросила Ин Сяоцун. — Сначала задуваем свечи?

Лян Чэн до этого момента сидел молча. Услышав их слова, он воткнул в торт толстую свечу, Лао Сы поднес зажигалку и поджег фитиль, а Ин Сяоцун поторопила:

— Готово, давай дуй!

Цяо Юаньлинь перевел взгляд с одного на другого, всерьез подозревая, что эта троица вообще никогда не праздновала дни рождения.

— Сначала нужно спеть праздничную песню, — сказал он.

Проходивший мимо официант затянул мотив, попутно поставив на стол полдюжины пива. Сидевшие вокруг люди тоже начали подпевать, причем один нетрезвый мужчина орал громче всех. На самом пике песни свечка с негромким хлопком раскрылась бумажным цветком.

Лао Сы выдохнул:

— Офигеть, высокие технологии!

Когда песня закончилась, Ин Сяоцун скомандовала:

— Задувай!

— Я еще желание не загадал, — Цяо Юаньлинь сложил ладони вместе, закрыл глаза и принялся что-то шептать про себя. Загадав желание, он задул свечу. — А теперь аплодисменты!

Ин Сяоцун покачала головой:

— Ну и морока с твоим тортом. Что хоть загадал?

Лян Чэн распаковал пластиковые приборы. Ему показалось, что Цяо Юаньлинь украдкой взглянул на него, а затем громко произнес:

— Хочу, чтобы в Пинхае больше никогда не было злостных должников.

Ин Сяоцун расхохоталась:

— Ах ты паршивец! Бубнил целую минуту ради вот этого?

<http://bllate.org/book/18284/1753050>